

**МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ РАЗРЕШЕНИЯ
СМЫСЛОВОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ В СУДЕБНОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ**
**METHODICAL APPROACHES TO THE PROBLEM OF SEMANTIC
INTERPRETATION AND THE RESOLUTION OF AMBIGUITY IN
FORENSIC LINGUISTICS**

Аннотация: Статья посвящена современным методическим подходам к проблеме разрешения смысловой неоднозначности в судебной лингвистической экспертизе. Рассматриваются метод субституции спорных смыслов и методы семантического исследования вопросно-ответной единицы диалога.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; частные экспертные методики; экспертное моделирование; смысловая неоднозначность; метод субституции спорных смыслов; диалогическая коммуникация.

Abstract: Article is devoted to the modern methodical approaches to a problem of semantic interpretation and the resolution of ambiguity in forensic linguistics. It is important for investigations of crimes and civil disputes resolution. Here we analyze some modern methods of forensic linguistics.

Keywords: forensic linguistics; methods in forensic linguistics; modeling expert thinking; the ambiguity; method of substitution of disputable meanings; dialogic communication.

Метод в практической деятельности эксперта – это способы действий по решению задач, направленные на выявление свойств и признаков исследуемых объектов. При проведении лингвистической экспертизы реализуются функции методологии: 1. Определение и построение предмета исследования. 2. Определение цели исследования. 3. Разработка системы методов данного исследования. 4. Оценка степени соответствия результатов проведенного исследования поставленным целям [6, с. 218]. Создание частных экспертных методик необходимо для получения эффективного результата при решении нетривиальных экспертных задач, достижения стабильности и верифицируемости получаемых результатов.

Актуальность проблемы разрешения смысловой неоднозначности в судебной лингвистической экспертизе обусловлена тем, что «многослойные» в языковом и смысловом отношении продукты речевой деятельности требуют разработки новых экспертных методик их комплексного анализа [3, с. 32]. Здесь продуктивен базовый постулат об оппозитивном принципе кодирования информации в естественном языке: существование языковой единицы или смысла в тексте

определяется наличием оппозиции к нему. Отсутствие противопоставления на одном и том же срезе языковой единицы – это нейтрализация, наличие которой означает, что текст совместим с обоими признаками, образующими противопоставление. При исследовании необходимо доказать, что противопоставленные признаки не находятся в отношениях нейтрализации и реализуется конкретный признак, в противном случае вывод может быть только вероятностным [2, с. 92].

Рассмотрим методические подходы к некоторым лингвистическим задачам разрешения смысловой неоднозначности.

1. При производстве судебной лингвистической экспертизы по уголовному делу, возбужденному по ст. 289 УК РФ, по факту личного участия начальника управления Администрации г. Х в нарушение требований ст. 14 ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» в деятельности коммерческой организации и осуществления в силу своего должностного положения покровительства по предоставлению ей льгот и преимуществ, требовалось установить, реализуется ли в деловом письме указанного должностного лица коммуникативное намерение передать выгодную информацию об указанной организации.

Письмо было построено на соотношении двух коммуникативных блоков:

- «говорю Вам, что есть ЗАО „Т“ и ООО „Т“, при этом ООО „Т“ обладает набором признаков, выгодно отличающих ее от ЗАО „Т“, и является организацией, единственной в своем роде»;
- «говорю Вам, что муниципальные учреждения вправе самостоятельно осуществлять выбор организации на оказание услуг, при этом рекомендую обращать внимание на качества, выгодно отличающие такую организацию».

Была выдвинута экспертная гипотеза о том, что эти блоки связаны между собой особыми прагматическими компонентами смысла, которые являются результатом взаимодействия семантики текста с параметрами речевой ситуации – донести нужную информацию, координирующую деятельность адресата, не нарушая формальные конвенции дискурса деловой документации [4].

Как отмечает К. И. Бринев, любое лингвистическое явление, помимо своей содержательной стороны – системы признаков, которая является комплексом его свойств и противопоставляет его другим, может выступать и как функция, т. е. являться элементом другой системы. Например, фрагмент текста является элементом этого текста, при этом его функциональные свойства могут входить в противоречие с системными [1, с. 239].

Первый коммуникативный блок текста содержал сведения о двух смысловых элементах, для которых понятие «организация» («юридическое лицо») является родовым, – это ЗАО «Т» и ООО «Т». Второй коммуникативный блок задавал адресату условия истинности [5, с. 209–210] выбора из множества организаций конкретной величины – организации *x*. Реконструирование объема значения организации *x* в тексте получало прямую зависимость от уже известных читателю величин – ЗАО «Т» и ООО «Т».

В целях коммуникативного профилирования смысла второго коммуникативного блока было применено экспертное моделирование на основе метода субституции спорных смыслов: если контекст нейтрализует противопоставленные при-

знаки, то при подстановке обоих признаков характеристики контекста не изменятся, в противном случае при подстановке противопоставленных признаков перед нами окажется два различных контекста. «При названном подходе проверяется гипотеза о совместимости противопоставленных признаков с конкретным объектом исследования. Возможны два варианта: а) искомые признаки совместимы с объектом, при этом при трансформации объекта он остается тождественным самому себе; б) искомые признаки несовместимы, тогда изменение одного противопоставленного признака на другой приводит к нарушению тождества исследуемого объекта. Лингвист должен <...> построить другой объект, в котором информация кодируется несходным образом, доказывая отсутствие тождества между исследуемым и построенным объектом» [2, с. 92–93].

При исследовании письма должностного лица было выявлено, что фрагмент текста, который содержит условие истинности, по отношению к целому тексту работает как функция, сопоставляющая входящим в высказывание аргументам некоторое значение истинности. В качестве переменной величины, или аргумента, данной функции выступает организация х, рекомендованная адресантом писем к выбору из множества подобных.

Исходя из текста должностного письма, было рассмотрено три варианта значения этой переменной, при которых в качестве аргумента последовательно были заданы организация ЗАО «Т», ООО «Т» и гипотетическая организация, не являющаяся ни той и ни другой. Учитывая смысловые объемы значений слов, функция сопоставила варианту «Организация х, рекомендованная адресантом письма к выбору из множества организаций, – это ЗАО „Т“» значение «ложь»; варианту «Организация х, рекомендованная адресантом письма к выбору из множества организаций, – это ООО „Т“» значение «истина»; варианту «Организация х, рекомендованная адресантом письма к выбору из множества организаций, – это не ЗАО „Т“ и не ООО „Т“» значение «ложь».

Следовательно, организация, рекомендованная адресантом письма к выбору для заключения договора на предоставление услуг, – это не ЗАО «Т» и не абстрактная организация данного профессионального профиля, не являющаяся ни ЗАО «Т», ни ООО «Т». Это ООО «Т», поскольку, исходя из текста данного письма, множество организаций, имеющих соответствующий опыт работы и уровень компетенции специалистов, включает только одну организацию – ООО «Т». Функция (заданное автором условие понимания текста) сопоставляет значение «истина» только аргументу ООО «Т» и значение «ложь» для двух других аргументов. Данный факт лег в основу экспертного вывода о том, что организация, рекомендованная чиновником к выбору, – это ООО «Т».

2. На исследование специалиста было предоставлено письмо должностного лица, фрагмент которого отвечал на поставленный группой горожан вопрос «Как проводится информационное обеспечение мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности в порядке гл. 6 ФЗ-261?»: *«В целях осуществления функций по координации и разработке наиболее эффективных путей повышения энергоэффективности, практической реализации потенциала энергоресурсосбережения в городе по инициативе Администрации города Х*

было организовано и осуществляло свою деятельность некоммерческое партнерство „У“. В рамках совместной деятельности некоммерческого партнерства, Администрации города Х, Правительства Х-ой области открыта постоянно действующая экспозиция по энергоэффективным технологиям, позволяющая составить представление о передовых инновациях в сфере энергоресурсосбережения и повышения энергоэффективности».

По мнению получателей письма, из текста следовало утверждение о том, что экспозиция *действует*, однако фактически она была закрыта год назад. Должностное лицо, подготовившее спорный ответ, поясняло, что формулировки письма не предполагали сокрытие этого очевидного факта. Так, отсутствие глагола-связки «*была*» вызвало лингвистическую задачу разграничения неполноты и недосказанности высказывания, поскольку неполным предложение является именно по составу членов предложения, но не по смыслу [8], что не мешает ему служить целям коммуникации.

Исследуемая коммуникация представляла собой вопросно-ответное единство. Текст, составленный как ответ на определенный вопрос, выражает взаимодействие общающихся как соотношение смысловых позиций, которое определяется, в том числе, предметно-смысловой исчерпанностью темы вопроса в ответном высказывании.

Метод разрешения смысловой неоднозначности основывался на решении подзадач:

1. Соответствует ли содержание ответа коммуникативному значению и смысловому объему поставленного вопроса?

2. Вытекает ли из содержания высказываний письма, что выставка функционирует в текущем времени?

Последнее предполагало решение четырех подпунктов:

- исходя из грамматического значения составного именного сказуемого и его связи с предшествующим контекстом, пропуск глагольной связки *быть* маркирует отнесенность предложения в целом к настоящему или к прошедшему времени?

- нарушает ли неполнота грамматической структуры смысловую законченность этого предложения в контексте письма?

- привносят ли временную отнесенность к настоящему словосочетание и обособленный оборот, в роли главного слова которых выступают действительные причастия настоящего времени «*действующая*» и «*позволяющая*»?

- какой смысл, исходя из решения указанных выше вопросов, несет коммуникативно-синтаксическая организация предложения в целом?

Анализ вопроса в аспекте его системных и функциональных признаков показывает, что вопросительное наречие «*как*» обозначает вопрос к обстоятельству образа, способа действия = *каким образом?*, предикат «*проводится*» придает значение времени настоящего обобщающей констатации, синонимичного неопределенно-, обобщенно-личным и даже безличным формам. Использование страдательного залога (*проводится*) в соответствии со стилистикой официально-деловой речи заостряет внимание адресата вопроса на факте совершения дей-

ствия (*проведение информационного обеспечения тем или иным способом / приемом*) безотносительно к его субъектам и без указания на его процессуальную длительность. Единственный имеющийся маркер временного и обстоятельственного значения в данном предложении выражен предложной конструкцией *в порядке гл. 6 ФЗ-261*.

Выделим компоненты содержания, известные участникам коммуникации при постановке вопроса и ответе на него:

- существуют мероприятия по энергосбережению и повышению энергетической эффективности;
- существует потребность в информировании о них;
- фактами действительности являются способы / приемы осуществления информирования;
- указанные способы / приемы определяются содержанием гл. 6 ФЗ-261.

Коммуникативное значение вопроса – частновопросительное предложение, в котором неизвестное (приемы / способы осуществления информирования о мероприятиях по энергосбережению и повышению энергетической эффективности в городе X) сопоставляется с предшествующим уже известным (таковые, в соответствии с гл. 6 ФЗ-261).

В русском языке возможен пропуск глагола-связки *быть* в составном именном сказуемом с кратким страдательным причастием именно при отнесенности всего предложения к прошедшему времени. Сказуемое является неполным, и с точки зрения грамматики это ведет к характеристике всего предложения как неполного (например: «Он был принцем, а она нищенкой»). Но пропущенные члены предложения восстанавливаются, поскольку передаваемый ими смысл достаточно ясен из предшествующего контекста.

Интересующее предложение жестко связано с контекстом причинно-следственной связью посредством употребления обстоятельства *в рамках* и повтора слова *деятельность*. Время открытия выставки определяется с точки зрения отнесения его говорящим к ограниченному интервалу продолжительности другого действия (осуществление деятельности некоммерческого партнерства «У» в прошедшем времени). Пропозиция предложения «открыта выставка» тоже должна относиться к прошлому, следовательно, должен быть употреблен глагол-связка в прошедшем времени, поэтому сказуемое является неполным. Однако неназванный член предложения – глагол-связка «*была*» – восстанавливается, исходя из контекста предыдущего предложения.

Словосочетание «постоянно действующая» – это значимая часть термина («выставка / ярмарка постоянно действующая: непрерывное выставочно-ярмарочное мероприятие, действующее с периодичной сменой экспонатов» [7, с. 7]) и употребляется в настоящем времени во всех временных контекстах. Причастный оборот «позволяющая составить представление о передовых инновациях в сфере энергоресурсосбережения и повышения энергоэффективности» – определение к слову «экспозиция», выражает одновременность с действием, обозначенным глаголом-сказуемым, и не меняет общее значение отнесенности высказывания к прошедшему времени.

Пропозиция ответа, исходя из смысла поставленного вопроса, должна отражать факт открытия экспозиции во временном интервале, начавшемся с момента вступления в силу закона 261-ФЗ. Вопрос выдвигает в качестве необходимого условия ответа опоры на содержание закона и на понятийно-смысловом уровне неминуемо предлагает для этого довольно жесткую «матрицу», трафарет: текст п. 1 гл. 6 ФЗ-261.

Текст закона коммуникативно-синтаксически организован в простое предложение, осложненное перечислительным рядом из однородных дополнений, распространенных зависимыми словами. Выраженное в нем настоящее время долженствования регламентирует обязательность факта совершения действий, а не их временной протяженности. Логика проецирования предписаний закона на события реальной действительности предопределяет употребление конструкций, тождественных по смыслу тем, которые содержатся в тексте закона. Такими по содержательно-стилевой нагрузке будут являться именно пассивные конструкции с кратким страдательным причастием в позиции значимого компонента сказуемого, акцентирующие не отношение действий к текущему моменту (протяженность процесса, наличие его результата в настоящем времени), а именно факт их совершения в рамках временного интервала, начавшегося со вступления в силу закона, и способы / приемы их осуществления (открытие выставки и т. п.).

Итак, формулировка вопроса ориентировала на ответ в настоящем времени обобщающей констатации с перечислением фактов совершения действий, направленных на информирование о мероприятиях по энергосбережению и повышению энергетической эффективности, имевших место в городе X на протяжении временного интервала, начавшегося со вступления в силу закона 261-ФЗ, безотносительно к длительности данных мероприятий или к их последствиям на текущий момент речи говорящего. В письме открытие экспозиции отнесено в контекст прошедшего, поэтому с лингвистической точки зрения из содержания высказываний письма не вытекает, что экспозиция осуществляет свою деятельность в настоящее время.

Подводя итог, можно сказать, что при производстве лингвистических исследований в целях разрешения смысловой неоднозначности речевых произведений к продуктивным методическим подходам можно причислить метод субституции спорных смыслов и метод разграничения грамматической неполноты и недосказанности.

Библиографический список

1. Бринев, К. И. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции / К. И. Бринев // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве : межвузовский сб. науч. тр. / Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. – Барнаул, 2008. – С. 232–249.
2. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : дис. ... д-ра филол. наук / К. И. Бринев. – Кемерово, 2010. – 363 с.
3. Галяшина, Е. И. Основы судебного речеведения : монография / Е. И. Галяшина. – М. : СТЭНСИ, 2003. – 236 с.

4. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М. : Прогресс, 1970. – С. 217–238.
5. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебник / И. М. Кобозева. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 352 с.
6. Кусов, Г. В. Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы / Г. В. Кусов // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 5. – С. 217–224.
7. Национальный стандарт Российской Федерации. Деятельность выставочно-ярмочная. Термины и определения. ГОСТ Р 53103-2008. Утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18 декабря 2008 г. № 512-ст, дата введения – 1 января 2010 г. – М.: Стандартиформ, 2009. – 19 с.
8. Соловьева, Е. Передача прямых и косвенных смыслов посредством усеченности / Е. Соловьева // Научно-культурологический журнал Relga. – 25.06.2001. – № 12 [66]. – (<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=710&level1=main&level2=articles>)